

Т. А. ЗВИГИЛЬСКАЯ

Париж (Франция)

Ассоциация друзей Ивана Тургенева,

Полины Виардо и Марии Малибран

20-ЛЕТИЮ АССОЦИАЦИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ: ОТРЫВКИ ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ¹

В 1968 году Александр Звигильский отвез меня в Буживаль, чтобы показать «Ясени», имение Тургенева.

Было около двух часов дня. Мы поднялись по аллее, обрамленной ясенями. Стена, которая ограждала территорию усадьбы, кованые ворота, дом смотрителя, конюшня, гостевой дом — всего этого больше не существовало.

Мы долго звонили и стучали в дверь белокаменной виллы. Наконец, чердачное окно открылось, показалась голова, и чей-то голос попросил нас не шуметь, так как хозяин дома спит и не проснется раньше шести или семи часов. Мы решили не ждать и вернулись сюда спустя некоторое время, уже вечером.

Навстречу нам вышел сам владелец поместья: Мишель Сабатье, худощавый мужчина с длинными волосами, заплетенными в косу на затылке. Он спросил, кто мы такие, и сразу же начал рассказывать о своих проблемах. Нижнюю часть своего поместья площадью в три гектара он продал, но деньги потратил, не погасив долги. Поскольку налоги оставались неуплаченными, мэрия пригрозила ему выселением. Чтобы выйти из положения, он попытался найти застройщика, который построил бы виллы на вершине участка, в центре парка де-ла-Жоншер.

Господин Сабатье провел нас в гостиную виллы, которая в то время находилась в довольно запущенном состоянии, но еще не пришла совсем в упадок. Он показал нам дачу Тургенева. Состояние дома привело нас в ужас: разбитые окна, сорванные ставни, музыкальный салон писателя пустили под гараж. По старому паркетному полу ездили на мотоциклах полдюжины каких-то бродяг: для этого они забирались на доску, прислоненную к входной двери (лестница была разобрана).

В четырех сильно поврежденных комнатах на полу лежали голые матрасы, на которых спали молодые люди, которым хозяин разрешил поселиться здесь, чтобы привести дом в порядок: на самом же деле они скорее усугубляли его состояние.

Прощаясь с весьма разволнованным владельцем «Ясеней», я сказала ему, что мы можем спасти имение и устроить в доме музей писателя. Это, несомненно, заинтересует и французов, и россиян. Господин Сабатье ответил, что это совершенно невозможно, потому что люди будут приходить в музей в течение дня, а так как он ведет ночной образ жизни, то спит днем.

Мы попрощались, но на этом наши отношения с г-ном Сабатье далеко не закончились, эта первая встреча положила начало нашему дальнейшему общению.

В мае 1969 года в Париж прибыл советский академик Михаил Алексеев, ученый-компаративист и специалист по западной литературе XIX века. Анри Гранжар, исследователь творчества Тургенева во Франции, лично привез академика М. Алексеева в Буживаль в сопровождении Александра Звигильского. В то время оба французских литературоведа работали над публикацией неизданной переписки Тургенева с семейством Виардо. Михаил Алексеев попытался убедить Сабатье создать музей Тургенева в «Ясенях», но увещевания были напрасны.

Некоторое время господину Сабатье финансово помогал предприниматель Шнайдер дю Крезе, взявший под свое крыло усадьбу «Ясени». После его смерти продажа поместья с аукциона казалась неизбежной, об этом говорилось даже в прессе. Мы были обеспокоены тем, что «Ясени» могут исчезнуть навсегда по воле застройщиков.

Александр Звигильский сразу же отправил письма в Министерство культуры, Французскую академию, Сорбонну, ЮНЕСКО, посольство СССР. Ответа не последовало. Тогда я предложила создать ассоциацию с целью сохранения усадьбы «Ясени». Александр Звигильский отказался быть ее председателем, поскольку у него не было опыта создания ассоциаций, и он никогда не руководил какой-либо организацией до этого.

Он обратился к потомкам семьи Виардо, с которыми мы были уже знакомы к тому моменту. В первую очередь мы связались с Жаком-Полем Виардо, внуком Полины Виардо, и его женой Пьереттой. Жак-Поль Виардо отказался возглавить ассоциацию, сославшись на то, что для того, чтобы стать председателем, нужны время и деньги, а ни того, ни другого у него не было в наличии.

Робер Мопуаль, его внучатый племянник, также отказался. Тем не менее, нужно сказать, что оба потомка до конца жизни оставались членами нашей ассоциации.

В итоге муж одной из праправнучек Полины Виардо, г-н Андре Ле Сен, согласился занять пост председателя при условии совмещения его также с должностью

казначей, а должность секретаря предложил доверить крестнику своей жены, г-н Антуану Виренку. Последний произвел на нас положительное первое впечатление.

Тургенев, Полина Виардо и «Ясени» постоянно находились в центре наших разговоров дома. Дети все понимали и разделяли наши переживания. Они читали Тургенева и рассказывали о Полине Виардо своей учительнице фортепиано в Городской музыкальной школе, госпоже Вальдтёфель. Она познакомила нас с группой художников и певцов, которые собирались в салоне мадемуазель Ивонн Бонне. Они стали первыми членами нашей ассоциации и в дальнейшем организовывали различные концерты.

Был разработан устав, сформирован совет директоров и музыкальный комитет, составлена программа культурных и литературных мероприятий. Для ассоциации было выбрано название и даже логотип, она была зарегистрирована в префектуре полиции. Наконец, 24 января 1977 года на свет официально появилась благотворительная Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, действующая в соответствии с законом 1901 года.

В это время Александр Звигильский получил от Ассоциации «Друзей Жорж Санд» брошюру, состоящую из четырех отпечатанных и скрепленных вместе листов. Такой формат показался недостаточным. Я подумала, что у нас тоже должен быть такой информационный бюллетень. И наш председатель г-н Ле Сен решил издать что-то более представительное. Он начал переговоры с типографией и предложил доплатить необходимую сумму из собственного кармана, если смета окажется слишком высокой. В то время членский взнос составлял 50 франков. В казне ассоциации было всего 1 500 франков, вопреки всем ожиданиям заплатить за издание, например, журнала нужно было иметь 7500 франков! Андре ле Сен не смог доплатить недостающие 6 000 франков. Руководить научным изданием — мечта каждого ученого: Александр Звигильский был разочарован, ведь он проделал огромную работу по подготовке первого номера журнала «Кайе».

Нас выручил наш сын Владимир — прекрасный и талантливый мальчик. О трудностях, с которыми мы столкнулись, он поведал своему однокласснику Лорану Годену, чей отец работал в ЮНЕСКО. Благодаря господину Годену комиссия ЮНЕСКО одобрила грант на публикацию первого номера журнала «Кайе».

Это издание привлекло в ассоциацию новых членов: работников университетских библиотек, консерваторий, преподавателей, студентов и исследователей. Журнал «Кайе» продолжает пользоваться успехом: в настоящее время был выпущен 21 номер,

и нам даже пришлось допечатать четыре вышедших ранее номера, так как они полностью были раскуплены.

Председатель ассоциации г-н Ле Сен не поддерживал идею создания музея, предпочитая заниматься организацией концертов. Их было много. По-настоящему успешными были лишь концерты в ЮНЕСКО, в Консерватории имени Сергея Рахманинова (благодаря поддержке госпожи Ольги Лакав-Волконской, ее учеников и русскому буфету) и в церкви Нотр-Дам в городе Мелэн. Престижному концерту в Нёйи, посвященному 125-летию со дня рождения знаменитого скрипача и композитора Поля Виардо, сына Полины, предшествовала лекция Пьеретты Виардо. Никто из потомков, кроме Жака-Поля, не присутствовал на мероприятии.

Вся работа по организации этих концертов легла на наши плечи. Нам пришлось приложить немало усилий. Аренда помещений стоила дорого. Некоторые артисты требовали вознаграждения. Некоторые члены ассоциации считали, что платить нужно всем или вообще никому. Другие считали, что платить нужно только «хорошим», а «посредственности» не должны получать ничего. В рядах ассоциации начались склоки, не хуже, чем в Гранд Опера. Приходилось улаживать конфликты. Тургенев отошел на второй план.

Нам пришлось созвать внеочередное общее собрание, где представили программу мероприятий и получили поддержку со стороны артистов, которые были членами ассоциации.

Получив большинство голосов в декабре 1979 года, г-н Александр Звигильский был избран председателем нового совета директоров. Началась подготовка к созданию музея. Об этом мы расскажем в следующем номере.

ОТРЫВКИ ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ (II)

Какая печальная судьба постигла «Ясени»! После смерти писателя поместье переходило из рук в руки, его состояние становилось все более плачевным с течением времени.

Никто не хотел покупать уже довольно застроенный участок на крутом склоне площадью 8 гектаров 21 акр земли за 100 000 франков.

Последний владелец, господин Сабатье, приобрел поместье незадолго до Первой мировой войны. Он заменил сгнившие резные деревянные балюстрады шале на

прямые. Вилла пострадала меньше. Актриса Габи Морлей снимала виллу и жила в ней почти четверть века, вплоть до 1961 года. Шестнадцать лет спустя, несмотря на все наши усилия и неоднократные встречи и беседы с владельцем Мишелем Сабатье, поместье было продано с аукциона во Дворце правосудия в Версале. Мы присутствовали на аукционе по продаже поместья 26 октября 1977 года, где два конкурента, агент по продаже недвижимости и город Ла-Сель-Сен-Клу, боролись за право купить «Ясени». Первый претендент выигрывал торги, предложив 2 760 000 франков. По решению городского совета города Ла-Сель-Сен-Клу была предложена более высокая цена, что позволило муниципалитету в результате приобрести этот участок 18 января 1978 года, но уже с меньшей площадью в 5 гектаров 79 акров и двумя зданиями за 3 036 000 франков.

Оба здания, заброшенные уже много лет, были разграблены и даже дымоходы были разобраны. До приобретения городом этого поместья мы приезжали с детьми охранять усадьбу, по возможности в ночь с субботы на воскресенье (любимое время грабителей), прихватив с собой раскладушки и свечи, чтобы не растащили по бревнышку саму дачу, как это случилось с домом княгини Н. П. Голицыной под Тулоном.

Мэр, господин Люсьен Дюшен, прогулялся по владениям в сопровождении Александра Звигильского, который поведал ему о Тургеневе и России. Мэр, казалось, заинтересовался его рассказом, но задал несколько «трудных» вопросов: «Есть ли у ассоциации деньги? Имеете ли Вы какие-либо связи в правительстве? Есть ли у вас какие-нибудь коллекции?» У нас, конечно, ничего не было, кроме желания спасти усадьбу и создать музей, в надежде, что нам помогут это сделать. Словом, мы ждали чуда.

Первое чудо произошло в феврале 1979 года.

Я была одна дома, как вдруг зазвонил телефон, и я услышала незнакомый мужской голос. Мой собеседник представился Жаном-Клодом Мену, региональным директором по делам культуры департамента Иль-де-Франс. Он был только что назначен на эту должность министром культуры Жаном-Филиппом Лека, чтобы патронировать нашу ассоциацию и заниматься вопросами защиты домов-музеев писателей. Это было именно то, чего мы ждали. К западу от Парижа, в департаменте Ивелин, находилось множество домов знаменитых людей (Дюма, Золя, Метерлинка, Дерена, Тургенева и т. д.), которые находились в очень плохом состоянии. Зачастую

вокруг этих великих имен создавались ассоциации, чтобы спасти их дома от разрушения и сноса и создания в них музеев.

Заявки на получение грантов накапливались на рабочем столе министра культуры. Правительство Валери Жискара д'Эстена приняло решение о предоставлении финансовой помощи в рамках борьбы с безработицей и для поддержки творчества в различных областях.

Господин Мену оставил свой номер телефона и попросил председателя связаться с ним. Я успела рассказать ему о Тургеневе, и он засыпал меня комплиментами. «Вот она французская галантность, — подумала я. Прямо как в романах». Специально к нашей первой встрече я записала в блокнот около сотни вопросов. Господин Мену ответил на них и пообещал организовать консультации со всеми заинтересованными лицами.

Вторым чудом стала первая встреча, организованная г-ном Мену в региональном управлении по делам культуры 26 февраля 1980 года со следующими партнерами: Региональным управлением, Архитектурным бюро Франции, муниципалитетами Ласель-Сен-Клу и Буживаля, Ассоциацией друзей Тургенева, посольством СССР в Париже во главе с первым секретарем г-ном Мусенко. На следующих встречах присутствовали представители префектуры Ивелин, субпрефектуры Сен-Жермэн-ан-Лэ и отдел международных отношений Миссии по развитию культуры. Одновременно Региональное бюро рассматривало заявку об охране имущества, согласно которой дом Тургенева и вилла Виардо должны были быть включены в Дополнительный реестр исторических памятников.

Для музея, который ассоциация собиралась создать в шале Тургенева, господину Мену нужен был музеографический проект.

Для этого мне пришлось собрать большое количество различных документов, прошерстить общую переписку Тургенева в 15 томах, а также последние издания на французском языке неопубликованных писем (изданных Анри Гранжаром и Александром Звигильским), сборники воспоминаний современников писателя и исследования его творчества, изданные в СССР. После работы в школе мне также приходилось бегать по антикварным магазинам и мебельным лавкам в поисках предметов для будущего музея.

В одном из магазинчиков моего района я познакомилась с Ниной Денисовой, которая защитила диссертацию о Федоре Сологубе. Она стала членом ассоциации. От нее мы узнали, что буживальская мебель из гостиной Тургенева находилась в доме

Петра Ковалевского, автора «Истории России»: госпожа Денисова консультировалась с профессором, когда она писала диссертацию. К сожалению, Петр Ковалевский скончался в 1978 году. Он был внучатым племянником профессора Максима Ковалевского (1851–1916), которого Тургенев хорошо знал и которому госпожа Виардо, несомненно, передала часть мебели своего друга. К сожалению, движимое имущество Петра Ковалевского было продано с аукциона, и аукционист дома Друо не смог или не захотел назвать имя покупателя. Единственным предметом, который не был продан на аукционе, стал стол в стиле Наполеона III. Его сохранили в православной церкви на бульваре Бланки, где профессор Ковалевский использовал его для чтения лекций. Брат покойного, Максим Ковалевский, передал этот исторический стол в коллекцию нашей ассоциации. Однако до открытия музея его некуда было поставить. Господин Мену предложил оставить его на хранение в своих апартаментах в Версальском замке.

Одному из членов нашей ассоциации, который был управляющим домом престарелых, в наследство достался книжный шкаф в стиле Людовика XV, принадлежавший умершей жительнице этого дома. После многочисленных перипетий он оказался на втором этаже виллы Виардо. Однако здесь ему досталось, так как в этой комнате проводились малярные работы. Книжный шкаф был разобран и перенесен на дачу по частям. В результате от него осталась только половина.

Помимо первой встречи в региональном управлении по делам культуры 26 февраля 1980 года состоялись еще три: 24 марта, 10 июля 1980 года и 30 января 1981 года в здании мэрии города Ла-Сель-Сен-Клу. Именно последняя встреча оказалась решающей. Было принято решение о поэтапном проведении реставрационных работ в этих двух зданиях. Была составлена финансовая смета, согласно которой Министерство культуры покрывало 20% расходов, департамент Ивелин — 30%, регион Иль-де-Франс — 25%, коммуна Буживаля — 3,5% и коммуна Ла-Сель-Сен-Клу — 21,5%. При этом город, как владелец и руководитель проекта, должен был покрыть все расходы и ждать субсидий от своих партнеров так как город заплатил три с половиной миллиона франков, три четверти из которых должны были быть ему возвращены.

Предстояло найти средства для создания музея. Но данный вопрос повис в воздухе. Г-н Мену спросил г-на Мусенко, первого секретаря посольства СССР, может ли его страна оказать финансовую помощь. Ответ был отрицательным, но при этом было обещано, что будут рассмотрены другие варианты оказания помощи в реализации нашего проекта.

Один из членов ассоциации, господин Иванов, попросил посла прислать нам вагон икры, чем рассмешил публику. Тогда он предложил СССР прислать строительный лес в Буживаль — доску, которая не гниет. Господин Мусенко согласился.

В поддержку будущего музея, председатель ассоциации в свою очередь выступил с предложением пригласить в Париж на эксклюзивные концерты советских артистов: Святослава Рихтера, который уже выступал в зале «Плейель» 7 ноября 1980 года, Леонида Когана, Елену Образцову. Представитель СССР дал согласие.

В конце встречи региональный директор настоятельно попросил музеографический план: «Сегодня среда. Если к пятнице план не окажется у меня на столе, музея не будет».

Несмотря на то, что председатель А. Звигильский никогда не разрабатывал подобных документов, да и я тоже, у нас было четкое представление о том, что мы хотим сделать в доме Тургенева. Оставалось перенести на бумагу общие очертания будущего музея: нужно было воссоздать две комнаты на втором этаже, спальню, где умер Тургенев — по рисунку Клоди Шамро, и рабочий кабинет писателя по воспоминаниям Елены Апелевой, художника Поля Матея, романиста Салтыкова-Щедрина. Кроме того, было решено превратить две комнаты на первом этаже в постоянную выставку с автографами, книгами и картинами. Эта выставка позволит французской публике познакомиться с творчеством русского классика, его идеями, стилем, биографией, его деятельностью как общественного реформатора, а также как «западного» мыслителя, иными словами, истинного европейца. «Русская» комната должна была отразить связи, которые Тургенев всегда поддерживал со своей страной. «Западная» же покажет его отношения с европейской культурой, особенно с Францией и, конечно же, с друзьями Виардо.

Все это было собрано вместе с текстом и эскизами и на следующий день представлено господину Мену, который через несколько дней позвонил нам и сообщил, что наш музеографический проект был одобрен.

Мэрия города Ла-Сель-Сен-Клу не собиралась превращать дом Тургенева в музей после его реставрации. Именно поэтому региональный директор решительно поддержал инициативу ассоциации, не считаясь с противодействием со стороны мэра и городского совета.

Свершилось новое чудо: были сделаны первые шаги в ходе реставрации этих двух зданий. Это событие произошло 8 мая 1981 года под руководством и в присутствии

Мишеля д'Орнано, министра защиты окружающей среды и охраны природы, а также министра культуры и коммуникации. У нас есть фотомонтаж церемонии и фильм, который я сама сняла.

На вопрос господина Мену, какого числа мы хотим открыть музей Тургенева, мы ответили ему, что он должен открыться к столетнему юбилею со дня смерти писателя, то есть 3 сентября 1983 года. В нашем распоряжении было всего два года.

Случайность способствовала успеху операции. В январе 1982 года, во время восстановления после операции, г-н Звигильский познакомился с профессором из школы Буль, г-ном Шарлем Баржоне, специалистом по мебельному и декоративному стилю. Он познакомил его с одним из своих коллег, руководившим гобеленовой мастерской, господином Жоэлем Бернарном, который взялся за реконструкцию спальни Тургенева, где писатель умер в сентябре 1883 года. На заседании регионального управления по делам культуры г-н Бернар представил макет размером 20x20 см, сделанный его учениками по рисунку Клоди Шамро, второй дочери Виардо.

Студенты школы Эколь Буль Кэтрин Мангу и Денис Кюстер под руководством профессора Бернара за один год сделали точную копию комнаты с кроватью и балдахином, кушеткой, двумя низкими креслами, драпировками, занавесками и шторами. Г-н Бернар очень тщательно подбирал ткани и аксессуары. Так было положено начало созданию музея.

¹ Данная статья является переводом с французского языка статьи из журнала «Кайе» (Cahiers), издаваемого французской Ассоциацией друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран (АТВМ), опубликованной к 20-летию ассоциации в двух номерах: № 21, 1997, стр. 198–200 и № 22, 1998, стр. 183–186. Перевод О. В. Горчаниной.